

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Духовные стихи в сопровождении баяна

Певица Пелагея не боится обвинений в язычестве

Сергей Шабуцкий

Несколько лет назад двенадцатилетняя певица Пелагея потрясла российскую публику проникновенным исполнением русских народных песен, романсов и духовных стихов. Постепенно ее репертуар расширился, и сегодня певица уделяет основное внимание этнической музыке. В интервью «НГР» Пелагея рассказала о том, какую роль играет религия в ее творчестве.

Пелагея, насколько мне известно, вы человек православный. Но ведь этническая музыка предполагает обращение к языческим мотивам. Вас это не смущает?

– В русской этнической музыке, если она именно русская, а не западноукраинская, очень много православных элементов, таких как духовные стихи. Например, «Отжил я свой век» – абсолютно православное произведение. Кроме того, в нашей новой программе действительно есть мотивы, которые можно расценить как языческие. Но когда я пою эти вещи, я не вкладываю в них какого-то религиозного смысла. В отличие от православных произведений. Надеюсь, что в такой подаче нет ничего плохого.

В наш второй альбом войдут не только русские, но и болгарские, африканские, индийские элементы.

– Не боитесь, что вас причислят к движению «ню-эйдж»?

– Да пусть обзывают как угодно. В какие только жанровые рамки меня не пытались засунуть! Но все напрасно, потому что я сама себя не могу втиснуть ни в какие рамки.

– Складывается впечатление, что люди из разных идеологических станов считают вас своей. С одной стороны – православное казачество, с другой – клубная молодежь...

– Это действительно так, и меня это очень радует. Каждый находит в том, что я делаю, что-то свое. Я не хочу заниматься узконаправленным творчеством. Потому что если я выберу, например, одну только православную тему, то какая бы широкая она ни была, все равно хочется чего-то еще. Во всяком случае, пока. Может быть потому, что в силу возраста я еще не определила, чего хочу.

– А религия для творческого человека – помощь или ограничение?

– Двигатель.
– Правда ли, что вы получили благословение Патриарха Алексия II? Как он относится к тому, что вы делаете сейчас?

– Как он относится, я, к сожалению, не знаю. А само наше знакомство для меня, естественно, было очень важно, как для любого православного человека. Это было на каком-то концерте. Он говорил речь, а я должна была петь после его выступления. Он спуускался со сцены, а я поднималась. Я улыбнулась, а он сказал: «Здравствуй, Пелагея». И благословил меня прямо перед выходом на сцену. Я была потрясена. У меня полились слезы. Он произвел на меня невероятно сильное впечатление. Наверное, одно из самых сильных впечатлений в моей жизни – его глаза.

Мне, кстати, довелось выступать в Вифлееме перед Патриархами Поместных Церквей. Их там было очень много! Выступление происходило на площади, где находится базилика Рождества Христова. Мне разрешили пройти и в саму базилику.

– Вы поддерживаете контакты с такими исследователями

Пелагея хочет донести до слушателя свое жизненное кредо.

фольклора, как ансамбль Покровского, театр Тамары Смысловой?

– Лично мы не контактируем, но я очень уважаю их творчество. В отличие от большинства коллективов, которые якобы занимаются у нас народной музыкой, а на самом деле чем-то совсем другим. Ансамбль Покровского, Сергей Старостин – это те, к кому можно и нужно прислушиваться, на кого надо ориентироваться. Они показывают, к чему надо стремиться.

– Есть ли, на ваш взгляд, возможность переломить то представление о фольклоре, которое сложилось в России?

– Наверное, если бы я в это не верила, я бы этим не занималась. Глупо говорить, что я пою только для себя. У меня есть определенная цель, определенное жизненное кредо, которое я пытаюсь донести до слушателя. Очень хочется, чтобы люди моего поколения так же, как я, любили нашу народную музыку, не испытывали к ней отвращения. Очень хочется, чтобы музыка была качественной. К сожалению, для этого не хватает людей. Нужна огромная команда специалистов, которые знали бы народную музыку, любили ее и имели бы возможность, в том числе и финансовую, этим заниматься.

Мне иногда говорят: «Ты отлично поешь а капелла, и тебе не нужны аранжировки». Но от аранжировок зависит очень многое. Ведь чтобы принести народную музыку в массы (как ни парадоксально это звучит), для нее необходима обработка. Потому что мне-то интересно петь аутентичные песни по 20 куплетов, а вот людям, приходящим на мои концерты, хочется чего-то «поживее». Аутентичные вещи интересны трем-четырем зрителям в зале.

– Когда-то в программе Дмитрия Диброва «Антропология»

вы прочли наизусть стихотворение Арсения Тарковского «Первые свидания». Услышать это от двенадцатилетней девочки было неожиданно...

– Это стихотворение мне читала мама, и с ее уст я его запомнила. Вообще все мое вкусовое воспитание – от родителей.

– Кстати, о вкусовом воспитании. Что вы читаете?

– Очень люблю романы Булгакова, Маркеса. Причем Булгакова люблю с детства, но до недавнего времени ограничивалась «Мастером и Маргаритой». А потом прочитала все его пьесы, и не только не разочаровалась, но окончательно поняла, что Булгаков – гений. Недавно прочитала Евгения Шварца. Мне так понравилось... Но это все институтская программа, у меня сейчас просто нет возможности читать что-то еще. Друзья в перерывах между сессиями подкидывают модную литературу. Всяких Мураками, Коэльо... Но все это проходит мимо меня. Коэльо просто более доступным языком пересказывает вещи, которые можно прочитать в философских книгах. В них все то же самое раскрыто глубже.

– Значит, вы не считаете, что «Мастер и Маргарита» – апология сатанизма?

– У меня такого ощущения не возникло. Просто все очень индивидуально. Например, когда несколько лет назад я спела «Жертву вечернюю» Чеснокова, многие возмутились. Мне говорили, что нельзя делать современную обработку литургических произведений. А у Патриарха, наоборот, это никаких нареканий не вызвало. Религиозная тема слишком глубока, чтобы выносить какие-то поверхностные суждения. Для меня религия – это такая вещь, о которой не говорят. Вера должна быть в душе, не нужно выставлять ее напоказ.